

Кав А.

15/IX-84

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва

15 СЕН 1987

ХУДОЖНИК И ВРЕМЯ

ЛЮДИ ИСКУССТВА

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ РЕЖИССЕРОМ?

Он производит впечатление неконтактного человека. Среди его близких друзей есть такие, с которыми он до сих пор «на вы» — для него чрезвычайно ответственно перейти на фамильярный тон. Со стороны он похож на небольшую, но сильную и стремительную птицу, глубоко сосредоточенную на своих непредвиденных маневрах. И портрет этот дополняется неизменной черной кожаной курткой, которой он гордится и без которой трудно его представить.

Но куда девается его кажущаяся неконтактность, если речь заходит о работе, в кого превращается этот сухопарый, напряженный человек, когда начинаются репетиции?! Здесь и страсть, и гнев, и радость, и отчаяние, и блистательный показ, и счастье оттого, что он может вложить себя до конца в дело.

Написать об этом человеке, о его театре я хотел давно. Однако навал работы, суета, тучка, срочные, «горящие» дела — все это отвлекало, заставляло снова и снова откладывать давнее намерение, и лишь весной этого года, встретившись в очередной раз с Аркадием Кацем в Риге, я почувствовал: откладывать дальше нельзя. Идет время, в жизни многое меняется, меняюсь с годами и мы. Но как меняюсь? Одно дело, если человек изменяется или, говоря нынешним языком, перестраивается в угоду времени или указу свыше, ничего в своей сути не меняя, другое же дело, когда изменение заключается всего лишь в подтверждении всех его предыдущих жизненных принципов, в углублении единственного и истинного «я», и такой человек тоже в своей сути ничего не меняет, но суть эта прекрасна!.. Это совсем другое дело.

Есть у нас одна непостижимая традиция — традиция замалчивания явлений ярких, необычных, выламывающихся из привычного, удобного ряда. Кулуарно мы можем обсуждать такие явления, можем тихо радоваться, что они есть, или же шепотом возмущаться, что им не воздают должное. Но все это тихо, с печальной улыбкой, с беспомощным разводом рук: а что мы, грешные, можем поделать?..

Все, кто так или иначе бывал в Риге, стремились попасть в Театр русской драмы. Стремись, но не всегда попадали. Билетов на спектакли в свободной продаже практически не бывает. Их получают по предварительной записи, за ними стоят ночами, их «стреляют» за несколько кварталов до театра. И такая ситуация длится не первый год. Театр ежегодно подтверждает свою высокую репутацию, театр ежесезонно привлекает зрителей репертуарными открытиями, театр ежесезонно находится в положении отличного спортсмена, который понимает, что малейшая остановка, задержка на дистанции может обернуться поражением.

В таком же положении находится и его главный режиссер Аркадий Кац.

В 1963 году он принял театр, и с тех пор жизнь его стала отмечаться не годами, а сезонами, премьерами, пробиваниями, репетициями. С тех пор — а ведь прошло почти четверть века! — он великолепно бежит по своей дистанции, поставлены десятки пьес, извезжены тысячи гастрольных километров, пережиты сотни радостных и, думаю, столько же моментов горьких, отчаянных, убивающих в человеческой жизни часы, дни, годы, когда хотелось от всего отказаться, бросить, бежать ко всем чертям. Не бросил, не отказался, не бежал прочь; из молодого человека Аркадий Фридрихович Кац за годы служения Рижскому театру превратился в зрелого мужчину, хлебнувшего все, что положено хлебнуть главному режиссеру.

А хлебнуть пришлось немало.

Почему-то принято считать, что «там, в Риге, им легче». Им — это в данном случае театру и главным образом, естественно, режиссерам. Живут, мол, как бы на отшибе, не то, что мы, грешные. И под эту самоуспокаивающую мелодию не без удивления сообщают друг другу опять же шепотком: вы знаете, Кац в Риге поставил «Утиную охоту» Вампилова. Это в те-то годы — в годы, которые мы считаем ныне годами застоя! Да, тогда прекрасная советская пьеса считалась чем-то недопустимым, опасным, не нужным советскому человеку. Считалось — Вампилов написал ошибочную пьесу!.. И вдруг за несколько лет до ефремовской постановки где-то «на отшибе» Аркадий Кац ставит блистательный спектакль с блистательными Владимиром Сиговым и Александром Боярским.

А вот пример более свежий, совсем недавний. Виктор Сергеевич Розов, ныне самый почитаемый автор в самом высоком смысле. Несколько лет тому он написал «Кабанчика». Пьеса не прижилась. Она была запрещена. На нее обрушились министерские работники. Ее стал шельмовать родной Союз писателей. Драматурга призывали уничтожить собственное творение, его убеждали в том, что он написал нечто клеветническое и вредное. Ему было предложено покаяться. Драматург не сдался. Пьеса осталась в его столе, он гордился ею, ибо чувствовал, что живет не сегодняшними проблемами, а завтрашними. И снова тот же Аркадий Кац, тот же Рижский театр русской драмы проявляют завидное и редкое постоянство, доказывают неслучайную свою принципиальность и смелость, и розовский «Кабанчик» начинает спеническую жизнь в Риге. Пусть под другим названием — «У моря». Пусть под аккомпанемент начальственных и ведомственных голосов, не одобряющих постановку. Но поистине надо иметь редкое и настоящее чувство гражданственности, чтобы вопреки всему и всем взять именно эту, сегодня — а вчера тем более — так необходимую всем нам пьесу и выпустить спектакль.

Там, в Риге, им легче?

Вот сейчас мы гордо и радостно декларируем, провозглашаем: дорогу молодым, ищущим режиссерам! Дадим им театры, деньги, инициативу, свободу в формировании репертуара. Это сегодня. А что было, скажем, вчера? Вчера тот же Марк Розовский, режиссер, несомненно, интересный и непривычный, вынужден был мотаться по стране в поисках пристанища, работы. И первым, кто протянул ему руку, был Аркадий Кац. И не просчитался!.. Посмотрите «Историю лошади» в постановке Розовского, идущую в Риге до сих пор, и вы навсегда запомните тончайшую сценografiю главного художника театра Татьяны Швец, замечательных артистов М. Лебедева, Е. Иванычева, Н. Незнамову, Б. Аханова, поразитесь и проникнитесь болью всего спектакля.

В 1982 году, в канун своего 100-летия, Рижский театр русской драмы приехал в Москву на первые за вековую историю репертуарные гастроли в столице.

Привезли семь спектаклей.

Гастроли проходили в помещении Малого театра. Лето, жара, отпускное время. Публика знала, слышала о феномене Рижского театра, и театр ломился от желающих попасть на спектакли. А ведь в репертуаре были такие наименования, которые, казалось бы, не должны вызвать ажиотажа. Скажем, гоголевский «Ревизор». Пьеса классическая, заезженная учебниками, театрами, формулировками, концепциями. И тем не менее именно «Ревизор» был, может быть, самым ошеломляющим спектаклем. Аркадий Кац нашел в «Ревизоре»

свою и только ему слышимую мелодию. Странно, наверное, слышать, но спектакль в итоге вызывал слезы на глазах. Мы одиноки, мы разобщены, мы гибнем во лжи, мы отчаянно равнодушны друг к другу. Исполнитель главной роли Андрей Ильин, один из любимых воспитанников Каца, поразил не только публику, но и театральных деятелей, и ему было сделано несколько предложений от имени московских театров. Ильин остался в Риге, потому что судьбу не выбирают. Он свою судьбу выбрал, когда еще мальчишкой принял приглашение Аркадия Каца.

Конечно, быть 24 года у руля театра — дело сложное, ответственное, тяжелое. За четверть века театр не только приобретает, но и теряет. Уехал в Киев Г. Дрозд, стал главным режиссером Севастопольского театра В. Петров, не стало А. Михайлова, А. Боярского, В. Сигова. Устал от бесконечной борьбы с чиновниками от искусства директор театра Е. Сорокин, попросился на истинно заслуженный отдых.

Значит, надо искать замену. Надо искать тех, кто поможет держать театр на достигнутой высоте.

Есть верные друзья, соратники, среди которых, конечно, бессменный завлит театра З. Сегаль или, скажем, та же Т. Швец. Но надо искать...

Приглашаются молодые — в них сила, надежда, перспектива. Принимают предложения зрелые артисты из других театров. Проходит время, и они, вновь набранные, становятся ярыми патристами своего театра, становятся членами крепкой единой семьи.

Театр, известно, организм непростой, часто противоречивый и не всегда объективный. Обязательно кто-то чем-то недоволен, обязательно есть повод быть недовольным, но я не встречал более дисциплинированного, более дружного коллектива, чем Рижский театр русской драмы.

В театре всегда был, есть и, убежден, будет тот единственный, которому обязан подчиняться коллектив. Мы говорим: театр Станиславского, театр Брука, театр Ефремова, театр Товстоногова. Подчиняться — не значит бездумно повиноваться. Надо поверить в лидера и вместе с ним стремиться к единственной цели, имя которой — величие театра. И лишь коллектив, лишенный культуры, традиций, способен стремиться к обезличиванию руководства.

Так легко или трудно работать Аркадию Кацу в Риге?

И легко, и трудно. Легко хотя бы потому, что театр создан, театр есть, театр много лет живет своей и только своей жизнью, ни под кого не подстраиваясь, никому не завидуя, никого не опасаясь. Легко потому, что сам театр — его единомышленник и, не считая это за дежурный комплимент, одним из главных его единомышленников является жена, изумительная артистка Райна Праудина. Тот самый случай, когда не режиссер работает на жену, а жена на режиссера и на театр.

И еще легко потому, что театр завоевал себе прочную репутацию театра нравственного. Нравственного в позиции, во внутреннем климате, в отношении к зрителям, в выполнении своей высшей задачи.

И трудно... Трудно потому, что мы относимся по-прежнему к нему как к тем, где «проще и легче». Мы не поражаемся премьерам, открытиям, мы горестно пожимаем плечами: им, конечно, можно... Трудно также потому, что в Риге есть достаточно сильных национальных театров, и добиться стабильного интереса к себе в такой ситуации — дело весьма трудное. И еще трудно потому, что артисты — живые люди. Они не вечно могут существовать на мизерную зарплату, они не вечно могут ждать улучшения жилищных условий, они хотят все же снисходительности к себе. Но снисходительность смертельна. И надо находить такие силы, такие аргументы, такие слова, чтобы артист — пусть на время репетиции, спектакля — забыл о бытовых трудностях и, не оглядываясь, пошел вслед за главным режиссером.

А по поводу «хуторского» положения?.. Мы живем в такое время, когда транспортные средства не только быстроходны, но и всевозможны. Поэтому и в Риге тех, кто по службе обязан смотреть и решать, предостаточно. Даже более того — если уж означенное лицо наведается туда, то поездка его не должна быть безрезультатной. Оно определено должно что-то решить. Поэтому не верьте словам: им там легче...

В конце минувшего сезона я был в Риге — и опять поразились Рижскому театру русской драмы, его главному режиссеру. В Москве в Театре имени Маяковского только еще репетировался бабелевский «Закат», а Кац уже выпустил его, и город жил шумной, звонкой, веселой и грустной историей. И билеты, как всегда, были распроданы за несколько месяцев вперед...

Виктор МЕРЕЖКО.

● Народный артист Латвийской ССР А. Кац.